

Его СОСЕДКА
СТУДЕНТКА

ИРИНА МУРАВСКАЯ

18+

Ирина Муравская
Его студентка

«Автор»

2026

Муравская И.

Его студентка / И. Муравская — «Автор», 2026

Представьте, что ваш новый чертовски симпатичный сосед оказался вашим новым преподавателем в универе? Мне вот и представлять не нужно. И проблема даже не в том, что он понравился МНЕ. Проблема в том, что он понравился ещё и моей одинокой маме...#преподаватель и студентка#соседи#разница в возрасте#герой гринфлаг#дела семейные#лайтовая история без драмы и стекла

Содержание

Глава первая. Приехала	5
Глава вторая. Новый препод	9
Глава третья. Соседка	13
Глава четвёртая. Ужин	18
Глава пятая. Реквизит	23
Глава шестая. «Нравишься»	28
Глава седьмая. Фотка	32
Глава восьмая. Поцелуй	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Муравская

Его студентка

Глава первая. Приехала

POV Майя

Ну здравствуй, милый дом. Очередной.

— Ладно, твоя взяла. Здесь симпатично, — признаю, разглядывая двухэтажный коттедж в бело-коричневых тонах с закосом на западные дома с ящичной конструкцией.

Весь этот закрытый частный посёлок соблюдает единую стилистику, но стоящие рядом друг с дружкой здания отличаются. Не штампованные близняшки.

— Симпатично? Это целый дом, а не наша прошлая квартирка! — возмущенно вздёргивает бровь мама: крашенная блондинка с такими данными, что модельный бизнес должен бегать за ней по пятам, тряся контрактами. Должен, но не будет. Для моделей она уже считается старовой, в свои-то тридцать пять.

— Квартирка была в центре Петербурга. А теперь до него надо час ехать.

— Ничего страшного. Квадратные метры с лихвой компенсируют этот нюанс. И ты ещё не видела свою комнату. Теперь туда влезут все твои наряды. Устя, не убегай! — мама поспешно переключается на пятилетку, уже умчавшуюся в раскрытую дверь дома. И бежит следом за ней, бросая мне: — Майя, проследи, чтоб грузчики ничего не забыли.

— Ага. Им же офонареть как нужна твоя коллекционная фарфоровая посуда, — хмыкаю, но выполняю, что велено, впериваясь строгим прищуром в нанятых мужичков, перетаскивающих наши скромные пожитки через распахнутую настежь калитку.

Какое счастье, что в этот раз мы оставили максимум мебели на прошлом съёме! Иначе бы процесс затянулся. А так они вдвоём весьма шустро опустошают свой грузовик, оставив крупногабаритку напоследок.

— Эй, эй. Вот с этим поосторожнее, — встреपёнувшись, отбираю у одного из грузчиков звякнувшую коробку. — Не видите, написано же: «ОЧЕНЬ ХРУПКО!», — ай. — И тяжело. Что она туда засунула, свои хрустальные гири?

— Давайте помогу, — кто-то забирает у меня закрывающую обзор ношу и лишь тогда я замечаю высокого брюнета в черной водолазке и джинсах.

Чертовски симпатичного, между прочим! Глаза выразительные, насыщенного зелёного цвета, как ещё не успевшая пожелтеть по осени листва, кожа загорелая, скулы чётко очерченные, лицо гладко выбритое...

Сколько ему? Много старше меня, но младше мамы... Двадцать семь, двадцать восемь?

— Э-э... Спасибо.

— Не за что. По-соседски, так сказать.

— По-соседски?

— Так точно. Я рядом живу, — он дёргает подбородком в сторону дома, стоящего всего в нескольких метрах от нашего, от чего передние пряди в красивой небрежности падают на высокий лоб.

— О... Прикольно, — конкретно залипаю на этого нового соседа. Надеюсь, что хоть слюну при этом не пускаю. А то за мной станется.

— Куда поставить? — тот прекрасно это видит, но галантно переводит стрелки, напоминая о коробке.

— А? — Майя, приди в себя, ау! Включай соображалку. — А, да. В дом... — провожаю его внутрь, выискивая свободное место. Нахожу. — Сюда можно бросить. В смысле, не бросить, положить, — киваю на высокую барную столешницу, разделяющую кухню и гостиную.

«И меня разложи тут же, если несложно», — мысленно добавляю, и в ужасе вздрагиваю. *Аксёнова, ты нормальная вообще? Что за пошлые мысли?*

— Понял, ставлю.

— Спасибо... Я бы предложила чаю, но, если честно, понятия не имею, в каких коробках лежит чайник и сахар.

— Значит, в другой раз.

— Ага...

«Не забудь только потом предложить себя вместо пирожных на десерт», — ехидно подначивает внутренний голос.

Да ё-маё! А ну заткнись, предатель!

— Майя, я же просила проследить за грузчиками. Им же веры нет. Либо перебыют всё, либо зажмут, — мама появляется на лестнице, ведущей на второй этаж. — Устинья уже оценила свою комнату, довольная как... — она осекается, замечая постороннего и словно по щелчку преобразается: спину выпрямляет, грудь выпячивает, обольстительную улыбку нацепляет. Ну просто леди из высшего общества. Будто не она совсем недавно скулила, что жутко устала и мечтает скорее прилечь. — Добрый день. Не знала, что у нас гости. Да ещё и такие приятные.

Ой, всё. Началось.

— Это наш сосед, — выразительно округляю глаза, умоляя её выключить флирт. Мы же только приехали, эй! — Помочь согласился с переноской шмоток.

— Да. Вадим, — тот вежливо протягивает ей руку для рукопожатия, вот только выпускать его так просто мама уже не собирается. Вцепляется в ладонь идеальным маникюром.

— Очень, очень приятно, Вадим, — настолько открыто кокетничает та, что неловко становится мне. — Оксана. А это моя дочь Майя, но вы, наверное, уже знакомы.

— Дочь? — искренне удивляется он, не без труда высвободившись. И умудряясь при этом сохранять невозмутимый вид, во даёт. Красавчик.

По поводу недоумения — это уже база. Нас всегда путают с сёстрами. Привилегия рождения ребёнка в шестнадцать и тщательного ухода за собой. О чём говорит, по меньшей мере, три ящика маминой косметики.

— Старшая. А наверху громыкает младшая заноза, — закатываю глаза до потолка, откуда слышится топот.

— Надо же. Не подумал бы, — хмыкает Вадим. — Что ж, добро пожаловать. Район у нас мирный, так что вам здесь понравится.

— Не переживайте, мы тут всё равно ненадолго, — отмахиваюсь. — Зная маму, к следующему лету съедем. Как только ей в который раз разобьёт сердце очередной дебил.

Не просто так же снимаем четыре стены вечно у чужого дяди. Для того, чтобы взять ипотеку нужно как минимум желание осесть и пустить корни, а у неё его отродясь не было.

— Майя! — возмущённо поджимает губы мама.

— Что? — лишь развожу руками. — Будто это не так.

— Было-то всего дважды.

— Пять раз, мам. Пять. Но кто считает?

— Неважно, — та торопливо меняет тему, сосредотачивая внимание на Вадиме. — В любом случае, сейчас мы тут и будем очень рады гостям. Как только разберём всё и обживёмся. Так что непременно заходите на ужин. Я приготовлю свой фирменный мясной пирог. Пальчики оближешь.

— О, да. Только потом в туалете стелите. Чтоб бегать не пришлось, — ох уж этот суровый родительский взор. Было бы страшно, но увы. Не в этой вселенной и не с моей легкомысленной мамулей. — Да шучу я, шучу. Разряжаю обстановку и всякое такое.

— Хозяйка, куда кровать затаскивать? — один из рабочих в фирменном комбинезоне компании появляется на пороге, вытирая взмыленное лицо.

Ого, они настолько оперативные, что уже до детской мебели добрались? Устька единственная везучая — всё добро с собой привезла. А вот мне придётся довольствоваться тем, что имеется в готовой комплектации, предусмотренной арендодателями.

— На второй этаж, крайняя комната слева, — встрепелась мама. — А вы оказываете услуги сборки? За отдельную плату, разумеется.

— Только если не официально. И то, завтра. На сегодня у нас ещё три заказа.

— Завтра? Завтра поздно, ребёнку же надо где-то спать.

— Ой, брось, — успокаиваю её. — Я всё разбирала, я и соберу. Наверное. Только отвёртку найди.

— Вот именно, что *наверное*. В таком деле всё же нужна мужская рука.

О-о, ну ясно.

— Давайте я помогу. Инструменты у себя возьму, — прекрасно понимая, что значит этот многозначительный взгляд, обращённый на него, предлагает Вадим.

Чел, не надо. Беги. Ты хоть понимаешь на что подписываешься?

— О, я буду вам так признательна!

— Тогда сейчас вернусь.

Всё. Поздно.

— Ма-мааа, — протяжно скулю, едва он скрывается на улице. — Вот так сразу, серьёзно?! Мы тут даже суток ещё не провели, а ты уже пытаешься кого-то подцепить?

Того, кто пригланулся мне самой.

— Будешь в моём возрасте, поймёшь, что такими возможностями не разбрасываются. Замечательный же молодой человек! Сразу видно, воспитанный. И при деньгах.

— Это ты как поняла? По дому? Так может он тоже его снимает.

— По внешности. Ты не заметила часы? Дорогие. И ботинки хорошие, кожаные. Да и сам он видно, что за собой следит. А это большой плюс в мужчинах.

Ботинки и часы — только она и способна была углядеть такие вещи в первую минуту знакомства.

— Но кольца обручального, разумеется, нет?

— В том и прелесть, что нет. Ты разве не заметила?

— Нет. Этого я не заметила, — даже не подумала бы об этом, откровенно говоря. — А вот ты верно его охарактеризовала — **молодой** человек! Слишком уж молодой для тебя, тебе не кажется?

— А я что, старая что ли?

— Точно старше его.

— Да разве это проблема? Вот увидишь, он ещё оценит мою опытность.

Очень не хотелось бы. Количество наших с сестрой потенциальных отчимов давно скатилось в бесконечность, так что проходной двор из левых мужиков меня порядком достал за девятнадцать лет. Но разве она станет слушать? Устроить собственную личную жизнь для неё уже не первый год идея фикс.

— Ладно. Я пошла... в свою комнату... Где бы они ни была.

— Второй этаж. Первая дверь налево.

— Ясно, — прекращаю заведомо бесполезные попытки вразумить человека, который никогда никого не слушает и ухожу наверх — проверять, что мне там досталось по жребии.

Что ж, новая комната точно больше старой раза в два. Правда из-за задёгнутой плотной шторы, несмотря на солнечный день, тут царит неприятный полумрак. Рывком распахиваю её, тревожа пыль и заставляя ту закружиться в воздухе. И сразу открываю настежь окно, чтобы впустить прохладный воздух.

Подоконник широкий — это хорошо. Будет удобно с подушками разместиться. А вот стена соседнего дома прямо напротив начисто перегораживает весь вид на дубовую рощу. Только на чужое окно и остаётся любоваться.

И всё же неплохо. Спальня просторная, стены выкрашены в светло-серый. Нейтральный и вполне подходящий цвет. Я жутко боялась каких-нибудь аляпистых орнаментов, как на прошлой квартире.

Мебели немного: белая кровать, прикроватные тумбы и комод. Навесная подставка под телек над ним имеется, а вот самого телека нет. Ничего, всё равно все давно всё смотрят в интернете, а её я отвинчу и повешу книжные полки.

Свободного места хватает, так что моё напольное зеркало, стеллаж и туалетный столик есть куда приткнуться. Но самый большой плюс новой обители — отдельная гардеробная за реечной раздвижной дверцей!

Боги, какая она большая! Мама права, туда точно вместятся все мои косплейные наряды! И больше не придётся отжимать полки в общей кладовке.

— Что ж, — встаю посреди комнаты, уперев руки в бока и одобрительно пожёвывая губу.
— С такими вводными данными вполне можно работать.

У меня как раз есть пара недель обжиться, а там уже и новый семестр в универе начнётся. Правда теперь добираться до него придётся не двадцать минут, а битые полтора часа: на автобусе и метро. Так что вставать придётся намного, намного раньше...

Глава вторая. Новый препод

POV Майя

Спасибо моему Политехническому универу Петра Великого и стипендии, вот честно! Только он и удержал нас от переезда просто в область, а не в другой город. Как практиковалось прежде.

Трижды сменить школу, а? Как оно? Я скажу, как — паршиво. Даже если ты коммуни-кабельный ребёнок. И даже если одно время физрук был маминым ухажёром, и ты была на целый год освобождена от физкультуры, но получала при этом круглое отлично.

— Аксёнова, как лето прошло? — приветствует меня Никита Романов. Наша звёздочка. Капитан местной футбольной команды, занявший пост после перехода в другой клуб здешней спортивной легенды — Дениса Волкова.

Про него и его «эпичные» отношения с девчонкой с параллели — Кристиной Волковой, — тут не знает только что ленивый. Мне кажется, даже когда они оба выпустятся в следующем году, их репутация и приколы с тотализатором ещё долго после будут передаваться из уст в уста. По наследству¹.

— Могло бы быть и лучше, — отзываюсь, распластавшись на парте щекой и широко зевая.

Подъём в пять утра — я попала в ад?

Нет, теперь точно надо сдать этот дурацкий «город», который я провалила уже трижды со своим неврастеником инструктором. Сдам и на каршеринге хотя бы быстрее добираться буду. Или для каршеринга нужно ещё опыт нарабатывать?

— Ещё не надумала пойти со мной на свидание?

— А у тебя ещё не сменилась пластинка?

— Не после твоих секси-нарядов. Это настолько горячо, что лучше тебе не знать, что я делаю с твоими рилсами перед сном.

Фу. Вот умудряется же он опошлить неопошливаемое. Впрочем, не он один. Таких комментаторов всегда хватает выше крыши, когда ролики залетают в реки², но там хоть это просто сетевые ноунеймы. Удалил и всё. Тут же лично приходится терпеть подколы.

— Напомни свой ник.

— Чтобы ты меня опять заблочила? Ну уж нет.

— Я всё равно узнаю.

— Ну и что? Сделаю очередной профиль.

— Слишком много хлопот, чтобы передёрнуть на кого-то, Романов, — хихикает приземлившаяся рядом со мной веснушчатая Стеша. Стефания, если точнее. — Проще продлить подписку на порно.

— А кто сказал, что я не продлил? Но тут-то интереснее.

— М-да. Тяжело быть тобой, — смахнув рыжие кудри, легкомысленно откликнулась та и моментом забыла про Романова, настойчиво трясая меня за плечо. — Слышала, слышала? Изосимова наша в декрет ушла.

Ого.

— Да ладно? А она была беременна?

¹ Историю Кристины и Дениса можно прочитать в романе «P.S. Твоя заноза»

² Лента рекомендаций

— Видимо, да. Хотя с её объёмами мы бы и девятый месяц не увидели. Короче, нам дают другого куратора.

Вот и славно. От предыдущего всё равно было мало толку.

— А вести социологию кто теперь будет?

— После обеда узнаем. Говорят, какой-то препод новенький. Перевёлся сюда из СПб-ГИК.

— Лишь бы не очередной старый хрыч вроде Игоревича. Я не выдержу второго душниту.

— Будто Изосимова была лучше.

В общем, то да. Такая же нудная, вечно недовольная и любящая валить всех без разбору на экзамене.

— Ладно. Скоро узнаем, что за фрукт нам достался.

Узнаём. Как и обещано — после обеда в кафетерии.

Пары уже официально начались, но многорядная аудитория гудит ульем за отсутствием старшего. Неужели все так соскучились друг по другу за каких-то пару месяцев? Нет, я, конечно, нормально общаюсь с потоком, но вот чтобы прям визжать на радостях от встречи...

Только со Стешкой и могу. С ней и ещё одной девчонкой, оставшейся в другом городе. С остальными же общаюсь по мере необходимости. И по большей части, на своём канале.

Короче, проходит уже минут десять от потенциальных лекций, прежде чем в кабинет заходит...

ОН.

Да ладно?

— Прошу прощения за опоздание. Бумажная волокита никого не щадит, — здоровается со всеми высокий брюнет в белой рубашке навыпуск с закатанными рукавами и в потёртых джинсах.

Слышу восторженные девчачьи перешёптывания за спиной. Однозначно оценили «очаровательную неофициальность» того, кто в тот же вечер знакомства собирал мелкой кровать-домик, а мне, хотя я и отказалась от помощи, полуразобранный туалетный стол. И того, кого мама всё же после напоила чаем, не забыв приодеться в домашний кружевной костюм. Приличный, но...

Блин, вот бывают же в жизни совпадения!

— Итак, — продолжает как ни в чём не бывало мой сосед, пока не замечая меня. — Я Островский Вадим Юрьевич. Ваш новый преподаватель социологии. Вас много, так что простите, если не сразу всех запомню. Но для начала, кто у вас староста?

Тишина. И молчание.

— Аксёнова, чего тупишь? — тыкает меня в лопатки сидящая сзади Ленка. — Тебя спрашивают.

А? А, да. Меня ж ещё на первой лекции снова назначили. Вот только подавать голос всё равно не тороплюсь.

— Так староста есть или ещё не назначили? — не дождавшись ответа, снова интересуется Вадим... Юрьевич.

— Есть, есть, — Стеша незаметно пихает меня ногой. Приходится всё же поднять руку.

— Я староста.

О, немая сцена. Для меня.

— Отлично, — а вот препод и бровью не ведёт, что мы знакомы, хотя, разумеется, узнал. — Ваше имя?

— Майя Аксёнова.

— Майя, журнал посещений у вас?

— Да.

— Принесите, будьте добры.

Сказано — сделано.

— Спасибо, — награждает меня вежливой улыбкой Вадим... Юрьевич и кивком даёт понять, что я могу вернуться на место. — Что ж, а вот теперь давайте немного познакомимся и перейдём непосредственно к предмету...

— Ты чего так загналась? — пока он устраивает переключку, самолично проставляя присутствующих и отсутствующих, Стешка вперилась в меня заинтересованным прищуром.

— Да нормальная я.

— Ну да, ну да. Скажи, хорошенький?

Она о Вадиме... Юрьевиче? Я, конечно, вкратце рассказала ей о соседи, на которого нацелилась мама, но имён то не называла.

— Хорошенький.

— Интересно, он женат?

Вовремя прикусываю язык, чтобы не сдать себя с потрохами.

— Не знаю, спроси.

— А вот и спрошу, — она с вызовом тянет руку. — Вадим Юрьевич, можно спросить? Вы женаты?

Аудитория тонет в смехе.

Во даёт! Вообще девица без комплексов. В смысле, я тоже так могу, и даже иногда делала (не с преподами, конечно, а просто левыми парнями, которые мне приглянулись), однако...

— Ваше имя? — усмехается Вадим... Юрьевич.

— Кислицина Стефания.

— Стефания, ваш вопрос имеет научный интерес или вызван обычным женским любопытством?

— И то, и другое.

— Тогда в обоих случаях ответ один — нет, не женат. Однако дальнейшее расспрашивание советую не продолжать, потому что работу и личную жизнь я не смешиваю. Я утолил ваше любопытство?

— Вроде того.

— Прекрасно. Значит, заодно отмечаю вас, — склонившись за длинным преподавательским столом, он сделал короткую запись в журнале. — Продолжаем... Голубева Екатерина на месте?

— Да.

— Зимин Олег?

— Тут.

Дальше особо не слушаю, целиком сосредоточенная на мужественных чертах лица, что с третьего ряда мне без проблем видны. Блин, реально ж хорош, засранец...

И мой препод!

И не дай бог новый поклонник матери.

Ну как так-то, а?

Честно, я вообще не запомнила лекцию. При том, что Вадим... Юрьевич оказывается классным рассказчиком. Во всяком случае сонное оцепенение на его парах никого не накрыло. Даже пацаны что-то нет-нет, да пытались записывать, а уж девчонки...

Те буквально утонули в мягком мужском тембре, что приправлял материал щепоткой юмора. Включая меня. Которая и так прекрасно запомнила его голос, но всё равно опять конкретно подвисла.

Когда нас милостиво отпускают, заторможено встаю с места, собирая в сумку толстую тетрадь на пружине и канцелярию. Уже иду на выход, но слышу:

— Майя, заберите, пожалуйста, журнал.

Ой, блин. Иду забирать.

Правда мне его так сразу не отдают. Вадим... Юрьевич даже отходит в дальний конец стола, чтобы мы оказались подальше от выходящего из аудитории потока.

— Майя, во сколько вы сегодня заканчиваете?

Э-э...

— У нас ещё одна пара.

— А потом домой или гулять?

Э-э-э...

— Хотелось бы последнее, но надо сестру забрать из сада.

Дела семейные. Чаще всего этим занимается мама, так как работает на удалёнке и почти всегда дома, но иногда ей приходится уехать в центр. И тогда на выручку прихожу я.

— Вы на машине?

— Только когда у моего автоинструктора случится инфаркт, а я попаду к нормальному.

Он что, улыбается?

— У меня на сегодня почти всё. Если хотите, я вас подожду. Отвезу домой.

Э-э...

— Зачем?

— Поговорить хочу.

— А сейчас нельзя?

— Мой разговор не по поводу учёбы. Это личное.

О, как.

— Ну... Если очень хочется, ждите.

— Отлично. Тогда в половину четвёртого жду вас на улице. Моя машина припаркована возле выезда.

— Ладно... — забираю журнал, и ещё более растерянная выхожу из лекционного зала.

— Чего ты там застряла? — Стешка тут как тут. Стоит, ждёт. — Глазки ему строила?

— Вроде того, — неоднозначно отзываюсь, думая о том, как будет выглядеть момент, когда я сяду к новому преподу в машину. Кто-то же точно увидит.

Впрочем, раз Вадима... Юрьевича это не волнует, почему меня должно? И вообще, если уж что и должно меня волновать, так это его некое **личное**.

Что, блин, там за личное?

Глава третья. Соседка

POV Вадим

Стою возле автомобиля, высматривая Майю. И нахожу, когда она показывается из-за угла.

— Не знала, что учителя так хорошо получают, — замечает она, кивая на мой внедорожник.

— Не переживай. Я взял его с пробегом.

— А, ну тогда другое дело. Конечно.

Языкастая. За словом в карман не полезет. Хотя на парах как раз-таки воды в рот набрала. Явно не ожидала меня увидеть. Собственно, как и я её. Сперва даже подумал, что помешался.

— Аккуратно залезай. Не испачкайся, — придерживаю ей дверь пассажирского, пока она, подобрав хвост белого вязанного кардигана, забирается в салон. Закрываю дверь, обхожу машину и занимаю водительское. Пристёгиваться просить не приходится, Майя делает это сама.

Выезжаем с территории университета, выруливая на главную дорогу. Молчим. Пассажирка и вовсе буднично ковыряется в телефоне, бежевый чехол которого украшен 3D стикерами.

— Как на новом месте? Привыкла?

— Мы уже на ты?

— Ну... Это в универе ты моя студентка. А вне его мы просто соседи.

Просто соседи. О, да.

«Просто» сосед же всегда тайком подглядывает в окна к другой «просто» соседке. Простые жильцы держали штору закрытой, так как расстояние между нашими домами до смешного крохотное, а вот Майя не заморачивается. У неё всё вечно открыто и настежь.

Не горжусь невольно приобретённой привычкой, но в свою защиту обязан отметить — это выходит ненароком. Просто рабочий стол с ноутбуком стоит так, что обзор открывается идеальный.

— И о чём же хотел поговорить мой сосед?

— О твоей матери.

— У-у... — усмехается она, заправляя темное каре по плечи за ухо. — Что, её старания уже дали плоды? Хочешь попросить у меня её руки и сердца?

Бр-р. Не доведи Господь.

— Наоборот. Хотел узнать: она всегда такая...

— Какая?

— М-м... Обстоятельная.

— В смысле, настойчивая?

— И это тоже.

— Всегда. Когда выберет кого-то целью.

Почему я так и думал?

— Я ничего против неё не имею, не подумай. Она весьма эффектная женщина, но...

— Не встаёт? — понимающе хмыкает Майя.

Аж так, да? Мы теперь настолько откровенны?

— Не лежит душа.

Более того, меня порядком начинает раздражать её назойливость. То она еды принесёт под предлогом «наготовила столько, что испортится», то у неё резко ломается что-то, — да так,

будто кто-то специально прыгал на этой бутерброднице. То просто намеренно меня караулит, чтобы завязать диалог.

— Пробовал ей это сказать?

— Раз шесть, не меньше. Естественно, не в резкой форме, вот только она словно не слышит отказа.

— И не услышит, пока не будет чёткого и категоричного «нет».

— Всё настолько сложно?

— Как показала практика, неуверенные отказы нередко перерастают в бурный, но скоротечный роман. Правда всегда заканчивающийся печально. И громко.

— Громко, в смысле скандалом?

— И этим тоже.

— И что мне тогда делать? Сказать прямо в лоб?

— Желательно.

— И она не обидится?

— Обидится. Ровно до того момента, пока не найдёт себе нового подопытного.

— Ясно. Спасибо... — включаю поворотник, чтобы перестроиться на полосу, ведущую на КАД.

— Всегда пожалуйста. Что-то ещё?

«Да, задёргивай иттору. Хотя бы тюлем прикройся, умоляю. Иначе я свихнусь», — думаю про себя, но вслух говорю совсем другое:

— Заранее извиняюсь за нескромный вопрос: а твой отец где?

— Вышел за хлебом и не вернулся. Как только узнал, что я из сперматозоида превратилась в плод.

— Значит, вы с сестрой не родные.

— Родные. По матери. И, если что, я люблю её до опупения. Загрызу, если кто обидит. *Знаю. В смысле, видел, как они играли на заднем дворе. И, опять же, в спальне Майи.*

— Её папаша тоже сбежал?

— Немного подзадержался. Но в итоге тоже слился, Устьке не было и года.

— Каких-то ненадёжных партнёров выбирает твоя мать.

Майя блокирует телефон и впервые оборачивается в мою сторону, награждая плутоватой улыбкой.

— Она выбрала тебя. Ты тоже ненадёжный?

— Не мне судить, но я вообще-то имел в виду другое.

— Я поняла.

И продолжает улыбаться. Довольная такая. А ещё, не стану отрицать, непозволительно хороша. Юна, естественна и непосредственна. С беснующимся огоньком в голубых глазах и с милыми ямочками на щеках. Когда улыбается.

А этот её короткий топ с завязками на груди под кардиганом? Готов поспорить, под ним ничего нет, потому что ремень безопасности так пережимает её, что инуровка растягивается, обнажая кожу.

— Чему ты так радуешься? Что у матери личная жизнь не складывается? — зря ляпнул. Улыбки как не бывало. — Прости, лишнее.

— Лишнее.

Дальше едем молча. Вплоть до въезда в область.

— Я не против её личной жизни, — Майя первой нарушает напряжённую тишину. — Просто мне надоел цыганский табор. Лучше уж вообще без мужика, чем менять его каждый сезон. А то и чаще.

— Ты говорила ей об этом?

— У нас это раньше на холодильнике висело! Распечатанное на принтере. Но аргумент всегда один и тот же: я же женщина. Я хочу быть любимой и любить.

— Вполне понятное чувство. Однако ведь можно же не тащить всех подряд к себе, а сначала... Ну, удостовериться, что это не очередная шелуха. На нейтральной территории.

— Я тебя умоляю. У неё каждая очередная любовь как первая. Самая настоящая и самая-самая последняя.

— М-да. Сложно.

— Просто. Всего лишь надо смириться.

— С тем, какой пример она подаёт дочерям?

— А я что, какая-то бракованная? Впрочем, молчи, не отвечай. Могу сгоряча и всеч, а нам авария ни к чему.

Смешок сдержать не получается.

— Ты забавная.

Бойкая, смешная, энергичная. Порой даже слишком. Например, когда скачет у себя по комнате и наряжается в какие-то странные костюмы.словно на грядущий Хэллоуин. Только за эти недели я насчитал около четырёх разных, а зачем на один праздник столько?

— Это я даже не старалась ещё, — гордо вздёрнув подбородок, Майя снова утыкается в телефон, с кем-то активно переписываясь. — Если можно, выкинь меня у сорок третьего садика.

— Могу подождать вас.

— Не надо. Ты же не хочешь на постоянку стать личным водителем. А Устька сто процентов сдаст маме, что её подвозил какой-то дядя.

Тоже верно.

— Ладно. Значит, сорок третий садик.

Доезжаем до него без происшествий и, коротко бросив мне напоследок — «спасибо», — пассажирка выпрыгивает из салона. Несколько секунд наблюдаю за её удаляющейся фигурой в чёрных зауженных брюках, и сдаю назад, чтобы развернуться.

До дома рукой подать. Ставлю машину на парковочное место за автоматическими воротами и иду к крыльцу, с давно выработанной привычкой группирясь.

— Привет, Ворчун, — ловлю сведёнными коленями выскочившего на порог мопса. И так каждый раз. — Погоди, сейчас пойдём гулять, — ласково чешу коротконогое пытящее чудо, затаскивая его обратно в дом. — Не фырчи, дай раздеться.

Снимаю ботинки, убирая их от греха подальше на верхний ярус обувницы, и прохожу дом насквозь, открывая задние двустворчатые двери, ведущие на задний двор. Там всё давно надёжно укреплено и затыканы все дыры, чтобы этот оболтус не сбежал. Ну а через прутья кованного забора, выставленного скорее для красоты, нежели для защиты, он банально не пролезет. Жопец застрянет.

Пока Ворчун носится как угорелый, неуклюже спотыкаясь и кубарем катаясь по первой опавшей листве, замечаю оживление по правую сторону. Майя вернулась с Устиньей, и последняя тоже захотела погулять. Для неё там уже установлен пластиковый игровой домик, качели и горка. Я самолично ставил всё в прошлые выходные по очередной просьбе Оксаны.

Сижу на лавке в тени завядающих кустов боярышника, так что меня они не замечают. Я же отлично вижу, как сёстры с хохотом носятся по небольшой ухоженной территории. Сперва в догонялки играют, потом в мяч, а дальше...

Что это? Полевая детская кухня? Судя по тому, что Устинья активно намешивает траву в розовой кастрюле, да. Майя же, расстелив плед, валяется на земле, развлекаясь валяющейся рядом куклой и ждёт «обеда».

Чувствую себя долбанным сталкером, ей-богу. Ведь заставляю же себя отвернуться... И не получается. Ворчун вертится у ног, требует ласки, а я хоть и чешу его складки, а всё равно неотрывно наблюдаю за ней. Вплоть до момента, пока она, устав, не зовёт сестру в дом.

Наконец-то!

Нет, рано радуюсь. Пару часов спустя свет в её спальне загорается, выставляя на обозрение подсвеченный холодными горящими гирляндами женский силуэт. Уже переодетый в домашнее и словно подтанцовывающий под музыку, которую мне не слышно.

Стоит, наверное, опустить римскую штору, да?

Да, стоит, но... Не знаю. И лучше не знать.

Чёртов больной вуайерист.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что лично у меня в комнате всё выключено. Единственный источник освещения — слабое мерцание монитора ноутбука. Так что я сейчас словно маньяк — притаился и высиживаю в засаде. А ведь надо готовиться к завтрашним лекциям...

Пытаюсь изо всех сил. Даже немного получается, пока Майя на какое-то время исчезает из поля зрения — скорее всего валяется на кровати. Но затем вновь появляется. И снова исчезает, выходит из спальни. Возвращается минут через двадцать, вытирает мокрые волосы полотенцем и вновь скрывает из виду. После чего комната погружается в темноту. Легла спать. И мне пора, двенадцатый час так-то.

Утром встаю по будильнику и привычно выхожу на пробежку. Правда сегодня намеренно выписываю круги неподалёку от дома, чтобы успеть поймать Майю. Не получается. Кажется, она вышла ещё раньше.

Да, точно. В универе натыкаюсь на неё в кафетерии перед первой парой, но получаю лишь нейтральное — *«доброе утро, Вадим Юрьевич»*. Запомнила про субординацию, умница. Не хотелось бы пересудов на новом рабочем месте, где я ещё толком не успел себя зарекомендовать.

Лекций у её группы у меня сегодня, к сожалению, не поставлено, так что больше никак не пересекаемся. Вплоть до вечера, что должен был превратиться в точную копию вчерашнего, если бы во входную дверь не постучались.

— Здравствуйте, Вадим, — обворожительно улыбается мне мать Майи, кокетливо поправляя осветлённые локоны.

— Здравствуйте, Оксана, — вторю, ловя за ошейник Ворчуна.

— Надеюсь, я не отвлекла вас от чего-то важного?

— Только от работы.

— Вы работаете даже в такой час? Тоже на удалёнке?

— Нет. Как и все белые люди пятидневку. Но подготовку никто не отменял.

А, да. Я же не говорил ей, чем именно занимаюсь. И дочка, видимо, тоже.

— Жаль. А я хотела пригласить вас на ужин.

Только этого не хватало.

— К сожалению, не получится.

— Давайте я тогда вам хотя бы принесу запеканки. Творожная.

— Оксана, послушайте... — начинаю и осекаюсь. — А девочки тоже поужинают с нами?

— Конечно. Правда Устинья долго не сидит, быстро убегает.

Устинья ладно. Главное, что Майя будет.

— Пожалуй, ненадолго я бы устроил перерыв.

— Чудесно, — Оксана расцвела так, словно я ей без малого кольцо бриллиантовое подарил. — Тогда ждём, всё уже готово.

Ждите, ждите. Только ни на что не рассчитывайте. Раз уж выпала такая возможность, я планирую поговорить с вами по душам.

Глава четвёртая. Ужин

POV Вадим

— Вадим, положить вам ещё салата?

— Нет, не надо. Спасибо.

— Тогда, может, ещё запеканки?

— Не нужно. Я уже наелся. Правда.

— Тогда ещё вина.

Накрываю бокал ладонью.

— Не стоит. Стараюсь не злоупотреблять.

— А вот я хочу ещё, — Майя, не отлипая от дисплея, протягивает свой.

— Может, оторвёшься хоть ненадолго от телефона? — строго щурится Оксана.

— Зачем? Там интереснее.

— Тогда иди к себе. Давно же уже поела.

— Ну уж нет. Там точно тухлее, чем тут.

— Тогда приличия ради хоть поговори с нами.

— Вы и сами отлично справляетесь, — ловлю её лукавую усмешку, адресованную мне.

Вот хитрюга! Вроде реально не отрывается от гаджета, но при этом бдит как сторож и ловит каждое наше слово. И ждёт, что будет дальше.

Хотя мать считает иначе.

— Что взять с подростков? — виновато пожимает она плечами. — Вся жизнь в интернете и этом её блоге.

— Что ты имеешь против моего блога? — лихо печатая по клавиатуре пальцами, уточняет Майя.

— Только то, что он съедает большую часть твоего свободного времени.

— Так это же моё время: как хочу, так и трачу его. Тем более, он приносит доход.

— Что за блог? — заинтересовываюсь.

— Обычный блог, — отзывается та.

— Обычный блог не приносит дохода.

— Докажи обратное, — дерзко парирует она.

Язва.

— Даже пытаться не буду.

— Тогда и не умничай.

— Не буду. Но мне интересно.

— Ты слишком старый для этого дерьма. Кстати, сколько тебе? Двадцать восемь, тридцать, пятьдесят?

— Двадцать шесть.

— Я же говорю, слишком старый. Пенсию уже оформил, дед?

Смеюсь в тарелку, а вот её мать строго шикает. Не со злостью, но укоризненно.

— Майя! Он же не твои друзья, что за тыканье?

— Всё нормально, я разрешил, — успокаиваю её.

— Да, всё нормально. Он разрешил, — поддакивает та, подзависая на несколько секунд, а затем снова что-то начиная набирать в телефоне.

Кажется, она способна сидеть так до рассвета. И Оксана тоже это понимает.

— Майя, милая. Можно попросить тебя искупать Устинью?

— Сегодня твоя очередь.

— Давай немного сместим график. Ты — искупаешь, а я почитаю ей. А завтра у тебя полный выходной.

— Окей, — не сразу, но согласно кивает она, вставая. — У вас минут двадцать. Не шалите, — хитро добавляет она, ловя мои высоко вздёрнутые брови.

Ну точно язва. Однако я отчётливо улавливаю в этих её поверхностных интонациях и ещё кое-что... неужели волнение?

— Не слушайте её. Девятнадцать лет — такой ветер в голове ещё, — попыталась перевести всё в шутку смутившаяся Оксана.

Вот тут радикально не согласен, однако решаю тему не развивать. Лучше подниму другую.

— На самом деле Майя верно подметила. Именно по этому поводу я и хотел бы поговорить, — откладывая вилку, выпрямляясь на стуле. Как там та говорила? Надо прямо и в лоб? — Оксана, мы не дети, так что все ваши сигналы безошибочно считываются. Но я хотел бы сразу прояснить важный момент — вы мне не интересны. Как соседка — да. Если потребуется какая-то помощь, я с радостью помогу. Но как женщину для отношений я вас не рассматриваю.

Гостиная-тире-кухня погрузилась в безмолвие. Только и слышно тикающие настенные часы, а сверху приглушённый топот маленьких ног.

— Я поняла, — ожив, кивнула Оксана. — Спасибо за честность.

— Надеюсь, вы не в обиде.

— Конечно, нет.

Держится вроде и правда ничего.

— Спасибо большое за ужин. С меня ответный.

— Да бросьте, Вадим. Мы готовим каждый день, а вы живёте один. Так что смело забегайте к нам в любое время. *По-дружески.*

Кхм... Мне кажется, или кто-то не до конца принял поражение? Просто это её «по-дружески» прозвучало слишком уж неоднозначно.

— Буду иметь в виду, — встаю из-за стола, начиная собирать грязную посуду, но та буквально выпроваживает меня за дверь, желая «доброй ночи» и не давая помочь. Вот и поговорили.

Не сказать, чтоб удовлетворённый результатом возвращаюсь домой, где Ворчун едва не мочится от счастья (будто я на год уехал). Приходится выйти с ним на задний двор, чтобы тот набесился вдоволь и заодно реально сходил по нужде.

Пока битые полчаса по темени собираю за ним экскременты в пакет, иначе двор давно бы превратился в минное поле, замечаю в окне второго этажа свет, открытые створки и сидящую на подоконнике Майю. Опасно свесившую ноги наружу.

Завожу Ворчуна обратно в дом и возвращаюсь к дому Аксёновых. Только теперь уже не звоню в звонок, а пройдя незапертую калитку, обхожу здание сбоку. И замираю возле обрамляющей строение террасы, переходящей за углом в крыльцо.

— Минздрав предупреждает — пренебрежение мер безопасности опасно для здоровья.

— Минздрав задолбался предупреждать и давно забил на всех, — парирует Майя, разглядев меня внизу. — Ну что, разбиватель сердец, доволен собой?

— Всё настолько плохо?

— Сидит, рыдает. А мне всё-таки придётся укладывать мелкую.

— Прости, — виновато морщусь, что она вряд ли видит. — Ты сама советовала не юлить.

— Но и не резать без ножа.

— Дамы, вашу логику не понять.

В прохладном воздухе раздаётся залиvistый смех.

— Ладно, расслабься. Пару деньков погрустит и успокоится.

— Точно? — так глупо было стоять с задранной головой и переговариваться на таком расстоянии. Не говоря уж о том, что от повышенных тонов разговор выходит не очень приватным. Ещё услышит кто. — Погоди, я сейчас.

— Что... — Майя недоверчиво свешивается вперёд. — Ты что делаешь, дед? Суставы не треснут?

Не отвечаю, потому что занят тем, что забираюсь по деревянным перилам террасы на покатую крышу, а оттуда, нащупав декорный выступ на облицовке, подтягиваюсь до нужного окна. Рывок и забираюсь на подоконник, усаживаясь рядом с ней.

— Ну вот. Скажи же, так общаться куда приятнее?

— Во даёшь! А если бы сорвался?

— Но не сорвался же, — киваю на её ну очень уж ненадёжную позу. — А вот ты бы так не рисковала.

— Наставление от старших?

— Соседский совет, — склоняюсь к ней, принохиваясь. — Чем ты пахнешь? Что-то фруктовое, но не приторное. Я ещё на ужине оценил.

— Детские духи Устиньи. Таскаю у неё с завидной регулярностью.

Снова давлюсь смешком. Не знаю, как это работает, но эта девушка постоянно заставляет меня смеяться.

— Покажи флакон. Куплю тебе личный экземпляр.

— Мы уже до подарков дошли?

— А что, рано?

— Не знаю, но в таком случае хочу другой.

— Какой?

— Автомат на сессии по социологии!

И снова я улыбаюсь. Да что ж такое.

— А вот тут не выйдет, студентка Аксёнова. Оценки я не продаю и не дарю. Каждая зарабатывается исключительно честным трудом.

— Душила, — ворчливо пробурчала та.

— Что-что, прости?

— Душила, говорю.

— А если обижусь?

— Сосед пускай обижается, в следующий раз не будет лазить в чужие окна, а преподавателя тут нет. Забыл?

— Я тебе мешаю? Мне уйти?

— Только не темечком вниз. Не люблю похороны, там слишком уныло.

Всё, не могу. Хохочу уже в голос.

— Слушай, Майя. Пойдём на свидание?

Девичья ладонь от неожиданности соскальзывает с подоконника. Приходится подстраховать. Лишним точно не будет.

— М-м... — невнятно мычит она, растерянно бегая глазами.

— Повторить?

— Не надо. Я услышала.

— И как смотришь на предложение?

Никак. По крайней мере, ответить она не успевает. В дверь её спальни стучатся.

— Майя, можно зайти?

— Вот чёрт, — всполошившись, цедит та, перекидывая ноги через раму и спрыгивая в комнату. — Mam, погоди минуту. Я не одета, — разворачивается ко мне. Смотрит на распахнутое окно. На меня. На окно.

— Ты же меня не вытолкаешь? — на всякий случай уточняю. А то мало ли...

Майя, взлохматив волосы, лихорадочно думает. И придумывает. Хватает меня за руку и, стащив с подоконника, тащит к гардеробной, заталкивая внутрь.

— Сиди тихо, — шикает она, задвигая скрипучую реечную дверцу. Дальше уже не вижу, но слышу: — Что случилось?

— Ты вроде переодевалась.

— Ага.

— Но одета в тоже самое.

— Э-э... Я трусы переодевала.

— Не забудь в стирку кинуть.

— Хорошо. Ты что-то хотела?

— Да. Хотела попросить тебя всё же уложить Устинью. У меня голова болит.

— У тебя и лицо какое-то нездоровое. Ты не заболела?

Две актрисы. Одна делает вид, что ничего не знает, а другая подыгрывает.

— Нет. Просто нужно полежать.

— Хорошо. Скажи ей, что я сейчас приду.

— Спасибо, милая. С меня мороженное.

— И отработаешь завтра свою смену.

— По рукам.

— Вот и чудно. Спокойной ночи, мамуль.

— Спокойной... Стоп, а это что? Ты опять?

— Это не моё, отвечаю. Голуби подкинули.

— Майя, ты знаешь, я не люблю, когда ты с сигаретой.

— Сказала та, что смолила даже тогда, когда я сидела у неё в утробе.

— Вот поэтому и не хочу, чтобы ты повторяла моих ошибок.

— Как видишь, я очень стараюсь. Так стараюсь, что без парня сию.

— И не торопись с ними. У тебя ещё полно времени впереди, чтобы наломать дров.

— Я тоже так считаю... — заминка. — Ещё что-то?

— Нет.

— Хорошо. Отвечу Стешке на сообщение и иду к мелкой.

Слышу, как закрывается дверь, а в следующую секунду открывается моя.

— Трусы меняла? — не могу не съехидничать.

— Что первое в голову пришло, то и лягнула, — смущенно запунцовела та. — Было бы лучше, застукай она тут тебя?

— Это было бы максимально неуместно. Особенно после откровения, что у тебя нет парня.

— Я тоже так считаю.

— А это зачем? — забираю из её зажатых пальцев пачку сигарет. Вскрытые, но внутри не хватает лишь трёх.

— Догадайся.

— Не надо. Оно тебе не нужно. Лучше пахни фруктами, а не пепельницей.

— Очередной мудрый совет? — она ворчливо отбирает пачку обратно и поспешно прячет среди стопок одежды на полке. — Не разбазаривай все сразу, старец. Оставь на будущее.

— Ладно. Тогда вернёмся к расспросам. Это правда?

— Что?

— Насчёт парня? Его нет?

— Хочешь занять вакантное место?

— Подумываю об этом, раз зову на свидание, — отмахиваюсь от чего-то колючего и с удивлением замечаю висящими в ряд на штанге вешалки с костюмированными нарядами. Самыми разными по расцветке и фасону. — Что это?

— Моя коллекция.

— Любишь наряжаться?

— Косплеить. Я на этом зарабатываю.

— В каком плане?

— Наряжаюсь, делаю макияж, укладку, снимаю тематические ролики, заливаю в сеть и набираю просмотры.

— А, так вот чего ты... — поспешно замолкаю, потому что едва не добавил — «крутишься постоянно перед зеркалом». Если бы ляпнул, это было бы полным провалом. И добровольным признанием, что я озабоченный маньяк.

— Что чего я? — подозрительно прищуривается Майя.

— Про блог говорила, — нахожусь. — Какое облегчение. А я уж было грешным делом подумал про нюдсы.

Вижу по её выражению лица, что это оправдание тоже не шибко светит интеллектом.

— Отличного ты обо мне мнения.

— Я старый дед, что ты от меня хочешь?

— Который однако знает про цифровую проституцию.

— Не настолько старый, хорошо.

— Ты уж определись.

— А ты не уходи от ответа. Так что насчёт свидания?

— Нет.

— Почему?

— Ты только что расстался с моей матерью.

— Так я с ней и не встречался.

— Ей об этом скажи. В своих мыслях она уже примерила твою фамилию, гарантирую.

— Я не несу ответственности за чужие мысли. Только за свои.

— И что в твоих мыслях?

— Исключительно чистые помыслы.

— В самом деле? — скептически ухмыляется Майя.

— Только так и никак иначе. Почти... — та ничего не отвечает, лишь сдвинулась вбок, открывая мне проход на свободу. — Меня выгоняют, правильно понимаю?

— Мне сестру укладывать.

— А можно как-нибудь незаметно ускользнуть нормально? По-человечески?

— Мамина комната напротив моей. И она закрывает её только когда не одна. Рискнёшь?

— Пожалуй, нет.

Делать нечего, иду обратно к окну, мельком заметив штатив для телефона, кольцевую лампу в углу и манекен с платьем такого мини, что сгодится для той самой цифровой проституции. Правда почти сразу про это забываю, стоит высунуться через раму и взглянуть вниз — туда, где темно и не видно земли.

Вот же чёрт, подниматься было не так стрёмно!

Глава пятая. Реквизит

POV Майя

— Аксёнова, ну чё ты упёрлась рогами? Пошли на свидание.

— У вас обострение? Весна вроде давно прошла.

Хотя меня даже весной, кстати, не звали сразу двое и одновременно.

— У кого, у нас? — не понял Романов.

— Неважно. Никита будь товарищем, отстань. Не хочу я никуда с тобой идти. И тебя не хочу.

— Ты просто ещё не пробовала.

— О, нет. В ход пошли штампы. Как тривиально.

— А ты ломаешься как девственница.

— Ага, она самая, — охотно киваю, забирая из автомата кофе в одноразовом стаканчике.

— Сама ведёшь себя так.

— Я веду себя как человек, которому ты безразличен. Неужели не видно?

— Набивать себе цену, конечно, вещь хорошая, но ты уже перебарщиваешь. Везде нужна мера.

Ой, блин! Какой же он...

— Ты правда не можешь переварить мысль, что кто-то не ссытся от счастья за твоё внимание?

Я, конечно, понимаю, что он на потоке считается одним из самых красивых парней, но ведь он же не безлемитная золотая карта, чтобы нравится всем! Да, смазливенький, да, в хорошей физической форме, не более. Таких как он вагон и маленькая тележка. Причём гораздо умнее и интереснее.

— Доброе утро, ребята, — вздрагиваем одновременно от голоса Вадима. Он даже не поднял на меня головы, преспокойно прошёл мимо и ушёл к лестнице.

Внутри от обиды сжалось. После нашего вчерашнего разговора и его акробатических трюков на такое равнодушие я как-то совсем не рассчитывала. Понятно, что мы в универе и тут нужно держать дистанцию, но ведь можно же было придумать какой-нибудь предлог, чтобы отвести меня в сторону?

Фиг там. Ни в этот день, ни на следующий для преподавателя социологии я будто не существую. Впрочем, как и вне стен учебного заведения. Единственное, что произошло — он подписался на мой канал и страничку в ВокТок³, ссылку на которую можно без труда найти в шапке профиля. Но не лайкнул ни одного ролика! Жлоб. Жалко ему что ли поднять мне статистику?

Ну и ладно, не очень-то и хотелось! Как и идти на его дурацкое свидание!

...Гордо решила я, а в пятницу после последней пары социологии Вадим снова подозвал меня к кафедре. Всё под тем же предлогом — чтобы я забрала журнал, который он упрямо заполняет сам. Хотя это моя обязанность так на минуточку.

— Спасибо, Вадим Юрьевич, — забираю, что велели и собираюсь идти, но он тормозит меня:

— Я тебя подвезу.

Уже даже не спрашивает: закончились ли у меня лекции и есть ли у меня планы. Просто информирует. Ставки повышаются?

³ авторская замена запрещённого приложения

— Я не домой. Мне сначала надо забрать посылку со старого адреса.

— Значит, отвезу туда.

— И мы планировали со Стешкой сходить в кино.

На губах Вадима промелькивает улыбка.

— Не планировали. Она уезжает с родителями на выходные к родственникам.

— Откуда знаешь?

От удивления перехожу на «ты».

— Майя. У меня отличный слух. И когда вы думаете, что преподаватель не слышит ваших перешептываний во время занятий, поверь, он слышит всё.

— Буду знать и перейду на записки.

— Это облегчило бы мне работу. Так что, едем?

Как же хочется сказать «нет», вот только...

На самом деле мне очень хочется. Хочется снова оказаться с ним наедине.

— Поехали.

— Отлично. Машина на том же месте. Через десять минут буду.

Чёрный внедорожник Мицубиси действительно стоит на том же месте. А мне приходится применить смекалку, чтобы отделаться от Стеши и ещё нескольких одногруппников, с которыми нам было по пути до метро.

В ход пошла короночка — отговорка про то, что я забыла кое-что узнать в учебной части. С учётом моего статуса старосты ложь приняли без тени сомнений, однако осадок горчил. Подурачки как-то выходит со всей этой игрой в прятки. При том, что сам Вадим, по ходу, и не собирается таиться.

Короче, к положенному времени я опаздываю, а он уже ждёт. Всё так же галантно придерживает мне дверь, пока я залезаю внутрь, и, закатав рукава чёрной рубашки, усаживается на водительское.

Чтобы исключить вполне закономерную неловкость сразу называю адрес пункта выдачи китайских посылок, куда заказывала свой набор ещё до того, как узнала о переезде, и включаю магнитолау.

— Не хочешь со мной разговаривать? — понимающе интересуется Вадим.

— Почему? Мы ведь сейчас разговариваем.

— Как мама?

— Нормально. Два дня провалилась в кровати с вином и *моим* мороженым, а сегодня вместе с Устинкой уехала куда-то в парк развлечений. Ставлю косарь, что вернутся не только с очередными плюшевыми игрушками, но и новым контактом в телефонной книге.

— Значит ли это, что траур по мне закончился?

— Не знаю. Посмотрим.

Стоит заметить, Вадим ведёт машину легко и расслабленно. Транспорт подо мной не едет, а плывёт. Даже выбоин и кривых участков на асфальте не чувствуется благодаря высокой подвеске.

— Я, кстати, заценил твои видео.

— Знаю. Я видела, что ты пасса на моей странице. В следующий раз не забудь наставить сердечек.

— Это так важно?

— Любая активность поднимает алгоритмы ролика. Даже если оно старое.

— Понял, сделаю. А если не секрет, сколько на таком можно заработать?

— Рулетка. Монетизацию мне дали не сразу, только месяца через четыре, когда я поймала трендовую волну. А дальше народ уже сам начал приходить.

— Да, я оценил количество твоих подписчиков.

— Ага. Они и помогают каждому новому видео крутиться. Иногда просмотров немного собирается, дай бог двадцать-тридцать тысяч, а иногда за сутки стрельнёт на миллион. Так что фиксированных сумм не получается.

— Но а если в среднем?

— Скажем так, я могу позволить себе оплачивать свои хотелки, не прося у мамы карманных. И ещё откладываю. На отдых летом на троих, вон, в прошлом году накопила. На подарки им на праздники опять же. Теперь на машину... С учётом того, что мы переехали, машина в приоритете. Вставать в пять утра — это на грани моих возможностей.

— Тогда вставай позже. Я выезжаю где-то в половину восьмого. Могу подкидывать тебя.

Ух ты! Вот это поворот.

— Давай. Я скинусь на бензин, только скажи — сколько. Я за него пока не шарю.

— Глупости не говори. Я не возьму с тебя ни копейки.

Что так, оплата работает только натурой? Он же это хотел, зовя меня на свидание?

Не, ну объективно: зачем ещё парень, который старше тебя на семь лет, будет его предлагать? Чтобы слушать бредни про монетизацию? Или чтобы дать допуроки по социологии, так как я в ней плаваю не по-собачьи даже, а как слепой котёнок?

И это понимание... оно напрягает. Потому что, несмотря на то, что Вадим мне нравится, я не уверена, что могу дать ему то, чего он хочет. По крайней мере, на данный момент.

Однако при этом испытываю невероятное облегчение за то, как закончился тот ужин. Не передать в каком состоянии я выходила тогда с мелкой из ванной, опасаясь услышать не те звуки из спальни...

Потому-то и сидела с ними на кухне до последнего. Держалась, ехидничала, изображала скучающий вид, а сама тряслась так, что коленки стучали под столом. А потом услышала, как мама плачет, и, не удержавшись, полезла за сигаретами. Не выдержала отвращения к самой себе за радость, что близкому человеку плохо. Но так и не закурила. Не успела.

Как собака на сене, Аксёнова, честное слово! И сам не гам, и другому не дам.

Водитель же, тем временем, ждёт ответа.

— Разберёмся по ходу дела, — отзываюсь, доставая телефон из бокового кармана рюкзака. Без повода. Просто, чтобы скрыть накотившую дрожь.

Собираюсь снять блокировку, однако горячая мужская ладонь властно накрывает дисплей. Вместе с моими пальцами.

— Не надо. Хотя бы час давай без него? Мне нужно всё твоё внимание, а не его крохотная часть.

Ох... Надеюсь, благодаря музыке не слышно, как я громко сглотнула?

— Зачем?

— Зачем, что?

— Зачем тебе моё внимание.

— Потому что я хочу говорить с тобой.

— Только говорить? — вырывается предательское.

Вадим убирает ладонь. А жаль. Моим пальцам было очень тепло под ней. *Очень-очень...*

— Сказать правду или слукавить?

— Слукавить.

— Да. Только говорить.

— А теперь правду.

Боковым зрением вижу, что он улыбается.

— Я всё чаще задумываюсь над тем, сколько бы всего с тобой попробовал.

Божечки.

— Надеюсь, не сегодня.

Молодец, Аксёнова. Умнее ничего не придумала.

— Только тогда, когда ты сама будешь готова.

— *Если* буду готова, — поправляю.

А может хватит уже саму себя закапывать?

— Если, — соглашается он.

— А если никогда не буду?

Аксёнова, ты заткнёшься или нет?

— Не бойся. Я не трону тебя без твоего разрешения. Если тебя это беспокоит.

— Уже тронул. Меньше минуты назад.

И, между прочим, моя кожа до сих пор покалывает от этих фантомных прикосновений.

— Ты поняла, о чём я.

— Поняла. Но не поняла, чем заслужила такую честь.

Не отвечает. Вместо этого сворачивает в проулок, сверяясь с навигатором, и тормозит.

— Приехали.

Ой, точно! Знакомые стены старых зданий с дворцами-колодцами! Ещё совсем недавно бродила тут как у себя дома, а теперь стала не более чем гостя.

— Сейчас вернусь, — выскальзываю из машины и на ватных ногах спускаюсь в подвальное помещение, где расположилось пвз. Надеюсь, Вадиму не видно, как заплетались на ступеньках каблук.

В небольшом помещении оказывается пусто. Никого, кроме сотрудника, так что товар получаю быстро. Перепроверяю содержимое и на радостях лечу обратно, обнимая повидавшую виды коробку. Кажется, по пути из Китая ею играли в футбол на всех таможенных пунктах.

— Три месяца ехала вместо обещанных тридцати дней. Я её уже даже не ждала. Думала, придётся заново перезаказывать, — хвастаюсь, плюхаясь обратно в сидение.

— И что там? Если не секрет? — достаю из вороха уже распотрошённого целована полупрозрачную тонкую белую ткань. — Что это?

— Пенюар.

— Шлюхи?

— Сам ты... — вовремя прикусываю язык. — Это мой контент на начало октября.

— Ты правда наденешь это и скинешь десяткам тысяч людей?

— А что такого? Здесь всё цивилично, — достаю белый кружевной корсет, разворачивая к нему. — Эта штучка скроет всё, что не подходит под рейтинг 18+.

Вадим долго смотрит на оборки. Очень долго. Прикрывает веки. Шумно выдыхает через ноздри.

— Если я увижу тебя в этом, боюсь, моё обещание о неприкасаемости может дать трещину.

Ну вот! Опять мандраж накатывает. Он меня не касается, даже не смотрит, а по всему телу разбегаются обезумевшие мурашки. **От одних только** от его слов.

— Не увидишь. Хотя... — роюсь в коробке с сокровищами, доставая белую маску, закрывающую лишь половину лица. — Мне вообще-то нужен напарник для видео. Мужского пола.

Вадик снова открывает глаза.

— Зачем?

— Чтобы получились крутые косплейные видео. Тут ведь важны оба персонажа.

— Что за персонажи?

— Не узнаёшь? — в одной руке взвешиваю корсет. — Это Кристин Дэй. А это, — в другой — маску. — Призрак Оперы. Его костюм тоже есть.

— Сразу говорю — я его не надену.

— Больно надо, — обиженно дую губы. Будто я прошу его нацепить латекс и стать Супер Котом. Да я вообще его ещё не просила, начнём с этого! Много чести. — Запрягу кого-нибудь из группы. Того же Романова, он точно не откажется со мной поцеловаться пару раз на камеру.

Ох, вот этот взгляд! Да меня сейчас испепелят.

— Тебе куда-нибудь нужно ещё?

— Да. На кладбище. Только не то, что на выезде, а у озера.

— Кладбище-то зачем?

— Будущие декорации!

Глава шестая. «Нравишься»

POV Майя

— Чего-чего, а свидания на кладбище у меня ещё не было, — удручённо прищипкивает Вадим, тормозя на обочине. Аккурат между его и моим домом.

А это разве было свидание?

— Держись ближе меня и не соскучишься, — свидание или нет, но я довольна разведкой. И нашла парочку отличных мест для съёмки. Невероятно аутентичных. — У тебя, кстати, нигде случаем не завалялось тройного канделябра под свечи?

— Нет.

— Жаль. Придётся, значит, тоже заказывать, — перехватываю поудобнее лежавшую до того на заднем сидении коробку и уже собираюсь выйти из машины, но подвисаю. Думаю. — На чай зайти не хочешь? — понимаю, как это звучит и добавляю, вскинув палец. — Но реально на чай. Чёрный, с лесными ягодами.

Вадим даже не думает.

— Хочу.

— И у меня ещё ящик выдвижной у комода, кажется, полетел. Дно вываливается. Я его когда обратно пытаюсь вставить, там вообще не держит.

Я понимаю, что оба предлога звучат как стандартное приглашение совсем для другого, особенно, когда никого нет, но этот ящик реально меня уже достал.

— Глянем, что можно сделать. Вы отвёртку нашли или мне за своей сходить?

— Нашли.

— Хорошо.

Выходим из машины и заходим в дом. Сразу ставлю чайник и лезу на антресоль в конце коридора за коробкой с инструментами. Чтoб не подумал ничего лишнего.

Вадим к тому моменту уходит в ванную, помыть руки после кладбища, а я торопливо прячу валяющиеся с утра на кровати шмотки под подушку. Мне только разбросанных лифчиков не хватало.

Высвобождаю ящик, вытаскиваю его и убегаю делать чай. К тому моменту, как поднимаюсь обратно, он уже сидит на корточках. Разглядывает днище.

— Тут с мясом болты вырваны, — выносится вердикт. — Стяжка нужна. Есть уголки?

— Не знаю. Если в коробке нет, значит, нет.

— Нет, нету, — порывшись в хаосе многочисленных пакетиков, покачал головой Вадим. — Схожу, свои возьму. Сейчас вернусь.

Не обманывает. Возвращается он быстро, ещё и со знакомым шуруповёртом. Следующие несколько минут сижу на краешке постели, держа кружки, и наблюдаю, как он ловко всё приспособивает.

— Дээспэ, конечно, уже в печальном состоянии, крошится, но какое-то время ещё послужит, — замечает Вадим, закончив и задвинув ящик обратно в комод.

— Спасибо, — искренне благодарю, протягивая ему его чай. — Как удобно, когда у тебя рукастый фиксик есть поблизости. На прошлой квартире в соседях у нас были киргизская семья из семи человек, не понимающая по-русски, сварливая бабка и матерящийся дед. Он, когда дверь к себе входную открывал, впору было задохнуться. Шлейф стоял адский. Ещё и тараканов столько наплодил, что половина к нам бежала.

— Напоминает общагу, в которой я жил во время учёбы в универе.

— Универ? Я тогда ещё в школе училась, — без задней мысли ляпаю.

— Так тебя это смущает? Разница в возрасте?

— А тебя нет?

— Меня — нет, — качает тот головой, отпивая. — Мне двадцать шесть, не сорок. Да и ты уже не ребёнок, Майя. Совсем не ребёнок.

— Не ребёнок, — пряча нос в кружке, соглашаюсь. И краснею. — И всё же, согласишься, пропасть имеется.

— Я её не вижу, — пожимает тот плечами, переключаясь на стеллаж, заставленный книгами и всякими сувенирными штуками вроде свечей и «Фанко-поп» фигурок. Подарки от подписчиков.

— Правда? То есть, работай ты в прошлом году у нас, ты бы всё равно обратил внимание на студентку?

— Не знаю.

— Зато честно.

— Я правда не знаю. В универе соблюдается субординация, за которой не всегда можно разглядеть что-то важное.

— Ага. Только успеваемость.

— Это мелочи. И не показатель ума. Однако подтянуть социологию тебе действительно стоит. И «Технику и технологию СМИ». Ты можешь больше, чем удовлетворительно.

— Мониторил мои оценки за прошлую сессию?

— Каюсь, грешен.

— Нечестно получается. Ты обо мне всё знаешь, а я о тебе практически ничего.

— Так спрашивай.

М-м...

— Почему ушёл с прошлой работы?

— Потому что порой карты раскладываются так, что в жизни приходится что-то менять. Как туманно.

— Почему в принципе пошёл в препода?

— А почему нет? Мне это нравится. Не всем же быть блогерами.

— Это камень в мой огород?

— Комплимент. Я бы точно не смог кривляться на камеру.

— Я не кривляюсь!

— Знаю. А другие кривляются. Особенно шпана выделяется, мышцами хвастаясь.

Это да. Ролики с обнажёнными торсами дико популярны у девчонок. И лезут в рекомендации почему-то исключительно на ночь глядя. Для более сладких и пошлых снов, видимо.

— Ну... не без этого.

— Ещё вопросы?

— Да! Почему у тебя нет девушки?

— Потому что не срослось. Разошлись. И не очень красиво.

— По чьей инициативе?

— Её.

— Долго были вместе?

— Прилично.

— Не, ну это невозможно. Ни одного чёткого ответа! Одни подачки с барского плеча.

Вадим оборачивается ко мне.

— Мы были вместе три с половиной года. А затем она сказала, что не любит меня и укатила с каким-то женоподобным манекенщиком в Милан.

— Оу.

— Так бывает, никто не застрахован. Те отношения действительно давно себя изжили. Но по инерции ещё трепыхались.

— Дура она. Женоподобные манекенщики — это ж мерзость. Они такие рафинированные, что диабетикам просто стоять рядом опасно.

— На вкус и цвет, как говорится.

— Ну не знаю. Выбирай между тобой и сладким мальчиком, я бы выбрала точно не его. Зачем мне парень, у которого косметичка больше моей? Это ж уже тогда не парень, а подруга.

Тот ничего не отвечает, лишь награждает меня благодарной улыбкой. И возвращается к изучению полки, выуживая между «Портретом Дориана Грея» и «Мастера и Маргариты» томик «Призрака Оперы»

— Признаюсь честно, не читал, — разглядывая обложку, замечает Вадим. — Только фильм смотрел.

— С Баттлером который?

— Он самый.

— Я и фильмы смотрела разных годов, и на мюзикл пару лет назад ходила, и читала.

— Фанатка?

— Да не. Просто нравится.

— Не против, если позаимствую? — он кивает на книгу. — Восполню пробел.

— Только с возвратом.

— В случае чего, ты знаешь, где я живу.

— Испортишь страницы, приду с топором.

— Звучит интригующе, — он хотел добавить что-то ещё, но снизу послышался шум и голоса:

— Мы вернулись. Милая, ты дома?

— Блин! — вырывается из меня. — Рановато, — бегу к двери и бросив: — «Сейчас спущусь», закрываю дверь. Кажется, пора обзаводиться щеколдой. Мама пусть и стучится всегда перед тем, как зайти, а вот Устинья спокойно может вломиться без спроса.

— По какой схеме работаем? — Вадим даже с места не сходит. Стоит спокойно. — Чисто-сердечное или опять в шкаф спрячешь? — закусив губу, молча скашиваю глаза в сторону окна. — Серьёзно? Слушай, я не хочу прятаться. И мне нечего стыдиться. Она должна знать, что ты мне нравишься.

От его слов пол уходит из-под ног.

«Нравишься».

Я ему нравлюсь. Он это сказал. Вслух.

И всё же...

— Давай в другой раз, — распахиваю створку, подталкивая его к раме. — Она ещё пережила отказ.

— Она не пережила или ты не готова афишировать, что я за тобой ухаживаю?

А-а-а... Да он же без ножа режет.

— А ты за мной ухаживаешь? Круто, держи в курсе. А теперь можно как-то побыстрее?

— Это последний раз, Майя. В следующий я выйду через дверь. Как положено. Поняла? Это угроза? Предупреждение? Условие?

— Хорошо.

— Подержи, пожалуйста, — Вадим отдаёт мне книгу с кружкой и уже собирается «выходить через окно», но, замешкавшись, разворачивается, чтобы... поцеловать меня.

В щеку. Невиннейше. Но чёрт возьми, как же горячо...

— Не даю никому поблажек, но ради тебя сделаю исключение, студентка Аксёнова, — тихо шепчет он, обжигая кожу терпким дыханием со вкусом лесных ягод. — В следующую

пятницу будет тест по теме, которую я дам во вторник. Поэтому постарайся если не выучить её, то хотя бы послушать внимательнее.

Миссионер, блин!

— И это помощь? Ответы лучше дай! Я их выучу.

— Нет. Это так не работает, — смеётся тот и дальше уже ловко забирается на подоконник и, перекинув ноги, скрывается из виду. Смотрится жутко.

— Живой? — перегнувшись через подоконник, уточняю.

— Куда я денусь? — повиснув на вытянутых руках, он мягко спрыгивает на землю. — Но крыша террасы когда-нибудь не выдержит таких марафонов.

Какое же счастье, что подо мной нет другого окна. Иначе было бы жуткое палево.

— Сам же сказал, это в последний раз.

— Вот и помни об этом. Книгу скинь.

— А шурика?

— Не будем рисковать. Оставь у себя, потом заберу.

— Как скажешь, — мягко сбрасываю ему «Призрака» и спешу уничтожать улики — прячу чемодан с шуруповёртом под кровать, а кружку у ножки тумбочки. Потом отнесу на кухню.

Убедившись, что следов присутствия постороннего не осталось, выхожу к маме.

— Как погуляли? — нахожу их в светло-розовой детской, заваленной до потолка игрушками.

Буквально. Ни меня, ни мелкую никогда не ограничивали, поэтому у неё тут собралось комбо — её добро, плюс моё, перешедшее по наследству. Кукольные домики в наличие трёх штук, детская кухня, гора конструктора. И это при том, что мама не прям уж много зарабатывает. Хотя занимается всякими бухгалтерскими отчётами сразу для трёх контор.

— Смотри, что мы выиграли! — переодевающаяся Устинья бежит ко мне, показывая плюшевую... Боже, это? Лабубу которая? Такая страсть.

— Какая прелесть. Тебе понравилось? На каруселях каталась?

— Да-а!! И рыбок ловила удочкой!

Как же прекрасно искреннее детское счастье.

— Здорово! Фотографировались? Мне покажешь потом?

— Да-а!!

Слышу шаги за спиной. Мама из ванной вышла. Такая серьёзная.

— Всё нормально?

Та молча протягивает мне часы. Те, самые, что она заприметила на Вадиме в самый первый день.

Упс.

Глава седьмая. Фотка

POV Майя

Ты в курсе, что там не было кладбища?

*Ага. Но где я тебе оперный театр найду?
Вернее, найду, но кто меня туда пустит поснимать?
Зато есть озеро*

И надгробия

И надгробия. Тот, что белый с ангелом шикарный

*Это как раз не надгробие.
Просто скульптурная композиция*

Не душни

Не буду. Чем занимаешься?

Поверишь, если скажу, что читаю лекции?

Нет

*И правильно. Я их списываю.
Проспала всю журналистику*

*Лучше не говори такое преподавателю.
У меня дёргается глаз*

А я говорю это соседу, а не преподу

По-соседски за солью зайти не хочешь?

Зайти за солью, а выйти без трусов?

Почему я к тебе?

Так будет безопаснее

О, да. Чтобы опять часы нигде не всплыли

*Обстановка всё так же
в пределах нормы?*

Да. Кажется

Не знаю, насколько вышло криво, но тогда я сыграла в дурочку и соврала, что нашла их в траве у крыльца. Мол, Вадим, наверное, потерял, когда уходил. А я притащила и забыла на раковине.

Мама тогда ничего не сказала. Как и молчит вот уже больше недели. Поверила, нет? Не знаю, однако чувствую, что слишком завираюсь. И даже назвать точной причины не могу. То ли боюсь неизбежного разговора о «разнице в возрасте», то ли страшусь самой мысли, что нам с мамой нравится один мужчина...

*Хорошо. Если что, сразу мне говори.
Я, как никто, имею право внести ясность*

Мне бы ты её внёс, а? Потому что я лично не могу дать определение тому, что между нами происходит.

Да, Вадим каждое утро подвозит меня в универ. От чего приходится лишний раз оборачиваться, чтобы та же мама не спалила. А после лекций чаще всего ждёт и отвозит обратно. Если у меня нет других планов вроде похода со Стешкой в кофейню или в торговый центр.

В начале этой недели он вообще презентовал мне в машине два флакона детских духов. Тех самых. Наверное, увидел на комодке.

И да, мы часто переписываемся в последнее время, иногда прямо во время пар на других дисциплинах. Но в остальном... всё. Ничего лишнего, никаких поползновений, никаких намёков, ничего. Даже когда мы остаёмся наедине.

*Так что насчёт зайти за солью?
Я тут макароны с тушёной сделал.
Вроде сносно*

Ты упустил свой шанс

— отвечаю, хотя, если признаться, соблазн невероятно велик.

Речь шла о свидании. А это просто ужин

Просто ужин тет-а-тет, от одной мысли о котором внутри сладостно ёкает. И всё же я должна держать марку. А я ему чётко недавно написала: «Да, я тупица, но зато предлагаю выгодную сделку — хорошая оценка взамен на свидание». Карандашом. Внизу листа с треклятым тестом.

И что сделал он?

Стёр мою записку и поставил «удовлетворительно», перечеркав неправильные ответы. Ещё и смайлик с высунутым языком пририсовал.

И что он после этого ждёт? Что я побегу к нему?

*Сорри, но не могу. Мне ещё
пять листов переписывать*

— набираю и уже собираюсь отправить, когда в верхней шторке приходит сообщение от Стешки.

И я узнаю об этом последней?!

Подруга называется!

Отвлекаюсь, переключаясь на неё.

Где пожар?

У тебя под юбкой видимо, раз крутишь с новым преподом, а мне ничего не сказала!

Задерживаю дыхание.

С чего ты вообще это взяла?

Продолжаешь упираться? Даже после фотки?

Какой фотки?

В чате группы посмотри

Смотрю. Правда сперва приходится отлистать аж на добрую сотню ехидных сообщений наверх. Набравшихся всего за четверть часа.

Блин. Вот теперь вижу, что нас сняли исподтишка. Когда мы сидели в машине. И согласна, на фото наши лица оказались слишком близко друг к другу, но Вадим всего лишь помогал мне отцепить обвес на сумке от рванной бахромы на коленях джинсах. Металлическая часть запуталась.

Кого благодарить вопроса не встаёт. Фотка отправлена Романовым. С ехидной припиской: «*Видели последние новости? Фраза: насосала на зачёт обретает новые краски*»

Вот сволочь! Обиделся, что я его опять вчера бортанула и решил отомстить.

Бросаю конспекты и сбегая вниз по лестнице, крикнув маме, играющей с Устиньей в пазлы в гостиной:

— Скоро вернусь.

Естественно, потом придётся выдумывать очередной предлог, но на данный момент это проблема третьего сорта.

— Оперативно, — хмыкает Вадим, обнаружив меня за дверью. Ещё бы, так-то долбить, игнорируя звонок. — Осторожно, злая собака. Затопит слюнями насмерть.

Удивлённо опускаю глаза и замечаю пузатого мопса, зажатый между его ног, чтобы тот не выскочил наружу.

— У тебя есть собака?

— Досталась по наследству.

— А почему я об этом не знаю?

— Так ты не спрашивала. А так он тихий и мелкий, неприметный. Шуму не приносит. Только обувь грызёт, так что лучше ставь повыше. И не стой долго на пороге, он извивается.

А, точно. Захожу в дом, снимая валенки-тапочки, в которых так и выбежала на улицу. Захожу и осматриваюсь, так как прежде ещё не была у него.

Светлые стены, тёмная мебель. Мебели немного, но всё на своих местах и подобрана гармонично. Настолько со вкусом, что безошибочно чувствуется женская рука, потому что вряд ли мужчина будет заморачиваться над тем, чтобы даже ручки разных гарнитуров подходили друг другу по стилю.

А ещё тут слишком чисто для холостяка. Ни носков валяющихся, ни пыльных поверхностей. Хотя то, что он педант было понятно сразу. В машине у него тоже нет ни одного фантика.

— У тебя мило. Точно живёшь один?

— Не один, с Ворчуном, — Вадим ослабляет хватку и мопс, едва не кувыркнувшись, бросается ко мне. В прямом смысле. На босые пальцы укладывается пухлым задом и тяжело дышит, высунув язык. Будто километр пробежал.

— Сразу видно, кто тут главный.

— А то. Макароны будешь? Ещё тёплые.

Блин, я же пришла совсем по другому поводу.

— Не до макарон. Видел? Хотя о чём я? Конечно, нет, — открываю вкладку телефона и показываю ему снимок.

— Хорошо вышли, — кивает он. — Перешли мне.

— Его залили в чат нашей группы.

— Это плохо?

— Ты мне скажи.

Вадим забирает телефон, разглядывая внимательно.

— Ну ты тут вроде ничего компрометирующего не делаешь, так что это никак не должно сказаться на твоей репутации. Или нет?

— А за свою репутацию ты не переживаешь?

— А что с ней?

— А как же правило: не смешивать работу и личную жизнь.

— Рад слышать, что хоть что-то из того, что я говорю на парах, ты слушаешь.

— Не смешно.

— А кто смеётся? Это же моё правило. Могу и отменить, — он уходит к зоне Г-образно выстроенной кухни, салютуя бутылкой. — Пиво будешь? Расслабиться. А то ты слишком нервничаешь.

— Зато ты спокоен. Слухи поползут, ты понимаешь?

— Уже поползли.

— Именно. Там уже всем по барабану на детали. Что надо придумали.

— Тебе это неприятно?

— Нет. В смысле... Мне плевать на то, кто что судачит.

— Тогда в чём проблема?

Подхожу к нему, забирая пиво и делая пару глотков.

Почти поцеловались, если учесть тот момент, что секундами ранее горлышко касалось его губ...

— Я думала, тебе это не понравится.

— Будь ты в другой машине с кем-то другим — не понравилось бы.

— Значит, неважно, что о тебе будут сплетничать?

— Если все узнают, что у меня есть девушка, может тогда остальные студентки перестанут со мной заигрывать.

«У меня есть девушка»...

Стоп, что?

— А что, часто заигрывают?

Согласна. Прозвучало с неуместными нотками ревности. Для этого я ему никто... Никто же, да?

— Это неважно, — подавшись ближе, Вадим ласково заправляет мои волосы за ухо. Вроде ничего особенного, а у меня всё, коленки подгибаются. — Просто делай так, как считаешь правильным.

То есть можно поцеловать его сейчас? Я ведь считаю это решение правильным...

— В смысле попытаться оправдаться или признать, что мы...

А что мы? Что мы вместе? Встречаемся? Пара?

Но это ведь не так. Потому что **я** стопорю всё. **Я** не позволяю сделать следующего шага, держа его на расстоянии вытянутой руки. **Я** скрываю от всех последние недели, что он мне безумно, безумно нравится. С первой минуты знакомства.

— Если требуется, я помогу. Благо, у меня есть кое-какой вес в университете. Больше чем уверен, от угрозы провалить мой предмет большинство быстро заткнут рты.

— Это не профессионально. И превышение полномочий.

— Да плевать, когда речь заходит о те... Я же говорил, лучше убирать выше, — Вадим переключается на мопса, которому понравился мой тапок, и спешит отнять игрушку. — Эй, а ну выплюнь, слюнявое создание! Выплюнь, кому говорю!

Пока он воюет с собакой, вцепившейся зубами в плюш, меня саму раздирает в клочья от переизбытка эмоций. Нежности, желания и окрылённости. Какого-то прямо-таки невероятно восхитительного душевного подъёма, от которого хочется плакать от радости. Так чувствуют себя влюблённые люди?

— М-да. Дырок всё же наделал, изверг, — победив в схватке, Вадим возвращается и удручённо рассматривается мне трофеем. — Ну и кто ты после этого, сплюснутая морда? — шикает он на пса. — Кажется, с меня новые тапки.

— Да к чёрту эти тапки, — бурчу себе под нос и вцепившись в его футболку, привстаю на мысочках, оставляя на его губах поцелуй. Не робкий, но вопросительный: мол, дальше ход за тобой, решай, что делать — оттолкнуть или...

Глава восьмая. Поцелуй

POV Вадим

Охренеть.

Я ж последние недели как одержимый только об этом и мечтал. Как не сорвался раньше, представления не имею. Выехал исключительно на привитых манерах. И обещании не трогать её до её согласия.

Не будь этих двух факторов, недоделанные репортёры запечатлели бы в машине совсем другое. То, из-за чего действительно стоило бы волноваться, потому что даже начальство при отсутствии пункта о запрете отношений между преподавателем и студенткой в законодательстве не смогли бы спустить такое на самотёк.

Так что же удивительного в том, что сейчас все тумблеры вырывает с мясом? Бросив бесполезный тапок, сгребая Майю в охапку и вжимаю в стену. И мну, мну её губы, прорываясь языком в её рот.

Жадный, неконтролируемый поцелуй подобен ослепляющей вспышке. Оглушающей и дезориентирующей. Но ещё сильнее доводит до помрачения рассудка то, что она отвечает мне, прижимаясь вплотную. Так доверчиво и так возбуждающе.

Пока её пальцы зарываются в мои волосы, мои ныряют под её хлопковую пижаму, касаясь тёплого нежного тела. Скользят выше по пояснице, запоминая её тактильно. Замирают на напрягшихся лопатках и...

Выныривают обратно.

Поцелуй прервать оказывается невыносимо сложно, но надо. Так правильно. Как и правильно не переходить на данном этапе черту. Я и так получил слишком много для первого раза.

Не спешим отстраняться друг от друга. Я с мазохистским удовольствием вдыхаю её сладкий запах. Майя, прикрыв глаза, тяжело дышит. И от того, как она кусает свои губы, мне физически больно в невозможности продолжить.

— Целуешься... прилично, — её дрожащий шёпот подобен музыке.

— Ты тоже неплохо. Большой опыт? — а теперь дуется, будто я её обидеть хотел. — Знаешь, что меня в тебе особенно привлекает? Твоя нестабильность. Вроде дерзкая, но в моменты бываешь такой робкой, что мне самому становится неловко.

— Напекаешь, что у меня биполярка? — выгнув бровь, переспрашивает Майя с искренним возмущением. Таким милым, что это вызывает лишь очередную улыбку.

— Напекаю, что тебе лучше идти домой, — ласково целую её в лоб. — Иначе я за себя не ручаюсь.

— Сам же звал.

— Не рассчитал силы воли.

— Да нет, силы воли у тебя хоть отбавляй.

Видимо. Раз я с сосущим разочарованием наблюдаю за тем, как она подбирает тапки, чешет на прощание Ворчуна и уходит.

— Что, счастья полные штаны? — хмыкаю, разглядывая довольно семенящего к своей миске с сухим кормом собакевича. — Везёт. А вот мне надо бы охладиться.

Я бы сказал, жизненно необходимо, потому что возбуждение не то, что не ушло. Даже не торопиться сбавить обороты.

Скажу, самоудовлетворение — та ещё поганая штука. Физическую разрядку пусть и даёт, а вот морального удовольствия ни на грамм. Особенно когда грязные мысли прочно обосновали черепную коробку и резвятся там не только в период бодрствования, но и ночью.

Косплейные сексапильные наряды Майи для роликов, её стройные ноги, задорный огонёк в глазах, манящие губы, запах тела, который я ощущаю даже во сне... Просыпаться с ноющим утренним стояком после пошлых снов становится чем-то обыденным.

Одно из двух: либо четыре месяца воздержания, наконец, дают о себе знать, либо всё это результат появления в моей жизни человека, от которого ломает так, будто мне снова шестнадцать.

Безумие.

Зато Майя на своей волне. Без труда считывается, как она тянется ко мне, с благодарностью принимая ухаживания, но при этом словно не позволяет себе расслабиться. Ни когда я её целую, ни когда при посторонних обнимаю. Скрывать-то всё равно уже нечего, так что в университете, с её разрешения, я позволяю себе невинные поползновения.

Разговаривать она об этом не хочет, но почти не сомневаюсь — корни её нерешительности пустились ещё в детстве. Рано родившая мать, брошенная и одинокая, от отчаянья устроившая проходной двор из мужиков... Вероятно, в глубине души она боится повторить её участь. Это и стопорит её довериться.

Понимая это, не давя. Получая в награду трогательную заботу и троекратную нежность. Ужин, который она мне носит всю последующую неделю, ненавязчивая женская придирчивость вроде поправления ворота водолазки, помощь по дому, несмотря на мои возражения, заштопанная дырка на футболке...

Вот что по-настоящему ценно, а к остальному придём. В своё время.

Или она придёт ко мне, когда уже перевалит за полночь. В пижаме и с сонной Устиньей на руках, завёрнутой в детское одеяло с зайцами.

— К матери новый ухажёр заявился, и он делает **это** слишком громко. Ещё и матерится как не в себя, — Майя виновато поглаживает по спине сестру, прижимающую к щеке лупоглазого единорога. — Как оказалось, в этом доме стены ещё тоньше, чем на прошлой квартире. Там хоть был бетон. В общем, не хочу, чтобы мелкая слушала. Можно переночевать у тебя?

Охреневаю так, что теряюсь в пространстве. А она, бедная, дрожит под холодным ветром, что принёс конец сентября.

— Господи, конечно! Заходите скорее, — стряхиваю оцепенение, поспешно загоняя их внутрь. — Идите наверх, первая дверь.

— Прости, что я без предупреждения...

— Иди давай. Не разувайся, — давно я не испытывал такой злости. Клокочет так, что кулаки стискиваются.

Не к Майе, разумеется. Она тут вообще ни причём.

Пока я и разбуженный Ворчун наматываем круги по гостиной, наверху, в моей спальне, слышатся тихие голоса. Старшая сестра заликает младшей про то, что: «у мамы сломался шкаф и дядя помогает его чинить. Переночуем здесь, чтобы нам не мешали, а завтра утром вернёмся в твою комнату». Когда уговоры срабатывают, в ход идут детские стишки в качестве колыбельной.

Чёрт. А стены и правда тонкие.

— Ещё раз прости, что подорвала, — Майя появляется ещё минут через двадцать. Хорохорится, давит вымученную улыбку, но дураку понятно, что ей не по себе.

— Это ненормально. Ты понимаешь, ненормально? Давай я схожу поговорю... С ней... С ним... С обоими.

Ну вот. Пытался унять ярость, да ни черта.

— Не надо. Я сама. Когда этот придурок уйдёт. Лишь бы с похмельем не задержался у нас, потому что вылакал он прилично.

— Где она его вообще подцепила?

— А предыдущих где? Не знаю, имбецилы сами на неё липнут, а я не вдаюсь в подробности.

— Неужели она не понимает, что так нельзя?

— Понимает. Наверное... — Майя устало взлохмачивает волосы, от чего пряди теперь торчат в разные стороны. — Думаю, это уже не лечится. В остальном-то ведь всё отлично. Она замечательная мама, я люблю её, но вот в такие моменты понимаю, почему слишком часто задумываюсь о том, чтобы жить отдельно. Только не могу. Не оставлять же Устинью... с этим всем. Одну.

— Идиотизм.

— Как уж есть. Ещё раз прости. И спасибо, что приютил.

— Майя, хватит. Ты можешь приходить в любое время. Это даже не обсуждается.

— Спасибо, — склонив голову, она долго рассматривает меня. А затем без предупреждения протягивает палец, указывая на мой живот. Футболки-то на мне нет, только спортивки. — Раз, два, три, четыре, пять, шесть... — пересчитав, усмехается. — Знаешь, если бы ты заливал свои кубики в сеть, обскакал бы меня по популярности.

Льстит. Не такие уж они выдающиеся, однако ежедневная пробежка и базовые физические упражнения вроде подтягиваний не прошли даром. После расставания со Стасей я успел себя запустить и теперь вот реабилитируюсь.

— Не стану отбирать у тебя хлеб.

— Не отобрал бы, целевая аудитория разная. Хотя мне бы и правда не хотелось, чтобы такие ролики кидали себе в сохранёнки левые девицы и пересылали подружкам.

Это можно расценивать за проявление ревности?

— Вот и оставим эксклюзивные кадры для приватного пользования.

— Что включено в абонемент? Какой тариф? Какие условия? Смотреть, но не трогать?

— И смотреть, — ловлю её ладонь, прижимая к своей груди. — И трогать, — направляя, помогаю её скользить ниже, давая хорошенько всё ощупать. — Можно делать всё, что позволит фантазия. Бери, пользуйся, наслаждайся. Только для тебя.

— А тебе какая выгода? — Майя входит во вкус, перенимая инициативу, и я просто выпадаю в астрал от жара, исходящего от её кожи.

— Если опустишь руку ещё ниже, поймёшь. Это не призыв к действию. Просто отвечаю на вопрос.

Её рука замирает на резинке спортивных. словно бы задумчиво царапает ткань ногтями. Ловит шнурок и, пропустив его между пальцами, с неохотой отстраняется.

— Я пойду к мелкой. Ещё проснётся, перепугается. Место-то незнакомое.

Дело говорит. Иначе мне опять понадобится перезагрузка.

— Если что-то понадобится, говори.

— Мы отобрали у тебя кровать. Ты-то сам куда?

— Здесь четыре комнаты. И диван в гостиной. Не переживай, уж найду где приткнуться.

— Ладно. Ещё раз спасибо.

— Спокойной ночи, Майя.

Надеюсь, что хоть кому-то спокойной. Потому что мне точно это ни хрена не светит.

— Не шуми, не буди дядю, — слышу сквозь дрему заговорщицкое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.